

Жан Легенэк
Юлия Вельбой

J & J

Роман

Жан Легенэк

J & J. Роман

«Издательские решения»

Легенэк Ж.

И & И. Роман / Ж. Легенэк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830473-6

Интернет-роман между французом и украинкой. У него несчастная семейная жизнь, холодность жены; у нее — муж-тиран, бедность и надежды на новую любовь. Счастье обоим кажется так близко..

ISBN 978-5-44-830473-6

© Легенэк Ж.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

J & J
Роман
Жан Легенэк
Юлия Вельбой

© Жан Легенэк, 2016

© Юлия Вельбой, 2016

ISBN 978-5-4483-0473-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мне четыре-пять лет. Я иду вместе с бабушкой по тропинке, ведущей от его дома до моста. Дед мой жил на краю света на маленьком острове – полуострове на самом деле, который связывался с сушей мостом длиной около ста метров. Мы ездили к бабушке каждый год и проводили там все лето. Так мы шли по тропинке, и вдруг я услышал, как с ним заговорила одна из его племянниц (на острове все жители были родственниками). Она заговорила на бретонском, местном языке, и он ответил так же. Бретонский был у них родной язык. До тех пор я этого не осознавал. Только в тот момент, как бабушка ответил ей на бретонском, я вдруг понял, что у него есть другой язык, на котором он говорит с другими людьми (с нами он всегда говорил по-французски). И тогда у меня родилось понятие иностранного языка. До этого оно не существовало, хотя я, наверное, больше ста раз слышал, как дед таким же образом приветствует родственников. Я впервые осознал непонимание того, что говорят окружающие меня люди. Доверие мое к надежности языка разбилось на части.

Мне четырнадцать лет. Мы сидим в классе. Возле меня – большой одноклассник по фамилии Иванов. На парте перед ним лежит сборник русских народных сказок с прелестной картинкой на обложке. Название написано кириллицей. Я не знал, что такое кириллица, и что значит это название. В школе мы учили только английский, другой шрифт мне на глаза никогда не попадался. Меня поразило то, что там стоят отдельные согласные – это казалось мне загадкой. Хотя отдельные согласные бывают и у нас. Я сразу же решил, что выясню, в чем дело.

Я купил себе учебник, словарь и второй том полного собрания сочинений Н. В. Гоголя (первого в магазине не было) – ни в чем не сомневался! – и стал читать приключения Чичикова со словарем. Очень трудно было запоминать имена, места и события. Никогда больше в своей жизни я не проявлял такого упорства, такой решимости.

Через три года я сдал экзамен по русскому языку, истории и культуре в университете. Но потом возникли иные заботы. Я не то чтобы разлюбил русский язык, но занимался чем-то другим, чем обычно занимаются в этом возрасте... Родились дети. Прошли целые десятилетия до того, как я вновь взялся за русский с целью окончить дело, которое нельзя окончить.

О бретонском я совсем забыл. К тому же, дед всегда отказывался обучать меня. Ему так долго внушали: это язык бескультурных людей, язык неинтересный, бесполезный, что он поверил этому. В школе помечали тех, кто говорил на бретонском – к ним в карман совали камень или устричную раковину. Тот, кто в конце учебного дня оставался с ракушкой, был наказан.

Советская власть имела мудрость не запрещать местные языки. Третья Французская республика не была такой здравомыслящей. Позже я попытался учиться бретонскому самостоятельно, но мне так никогда и не удалось овладеть им как следует. Мой бретонский – книжный, школьный, я не могу на нем свободно разговаривать. Да это и не нужно, теперь мало кто на нем говорит. Другие местные говоры, такие как баскский и эльзасский (который является диалектом немецкого), выжили, бретонский же не оправился. Жаль. Это был своеобразный, правда, ужасно сложный язык.

Глава 1

Месье Жан, я, наверное, разочарую Вас. Я не так молода, как та юная особа на странице в Контакте. Она прекрасна, но совсем не я. Дело в том, что моя настоящая фамилия не Вельбой, а Качикова, под этой фамилией меня и ищите. Моя страница есть в Одноклассниках, там висит несколько моих фото. Две, кажется. И в LJ я тоже есть.

Извините, Юлия.

Странно, как мы иногда реагируем: я прочел Ваш роман и попробовал искать Вас в интернете; увидел на страничке фото миловидной девушки с нежным лицом и узнал в ней Вашу героиню. Мне почему-то втемяшилось в голову, что прототипом для героини должна быть не кто иная, как Вы. Конечно, это чистая выдумка. Еще раз извините.

Ничего страшного. Вы так хорошо пишете по-русски, у Вас, наверное, русские корни?

Спасибо за комплимент. Писать-то я пишу грамотно, понимаю тоже хорошо. А говорить – это катастрофа. За разговор я взялся серьезно лишь год назад, когда мы с моим другом из Донецка, Владимиром, почти ежедневно начали разговаривать по Skype. До этого я почти никогда не говорил с русскими. Русских корней у меня нет.

Я живу на юго-западе Франции, в Лиможе, тихом небольшом городе. У нас с женой есть дом возле Кагора. Там кабинет, где я принимаю своих пациентов. Жена работает в Лиможе, я каждую неделю провожу там три дня. Она приезжает в наш дом, когда у нее отпуск.

Когда-то я служил учителем французского языка, потом инспектором народного образования. До сих пор преподаю в университете французскую грамматику и педагогику, но это не отнимает у меня много времени. Еще я занимаюсь тем, что мне нравится: психоанализом и письменным переводом с русского. Связи между двумя вещами не ищите.

Издадут Ваш роман или нет, я все равно рад его переводить, тем более, что точного срока нет. Было бы прекрасно, если бы Вас читали и во Франции, но знаю, шансов мало.

Жан, мы же с вами где-то коллеги! Я тоже работала переводчиком, только немецкого языка. Переводила инженерные каталоги и деловую переписку. Лингвистического образования у меня нет, меня взяли так, на пробу, и оказалось, что моего уровня вполне достаточно. Язык я выучила самостоятельно. Мой дедушка был учителем немецкого языка, и у нас дома было много немецких книг. Я просто брала в руки книгу и читала. Правда, теперь многое уже забыла. Без постоянной практики все забывается.

Приятно познакомиться, уважаемая коллега! К сожалению, я не смог войти на сайт Одноклассники, чтобы увидеть Вас. Вернее, я зарегистрировался, но не увидел там поля для поиска. Наконец, в Контакте нашел некую Юлию Качикову. Вот ссылка. Это Вы?

Да, это я. Но, кажется, там я не очень на себя похожа, фотография сделана в виде акварельного рисунка. Высылаю вам другую, с веб-камеры. Она более реалистичная.

Юлия! Какое прекрасное лицо! Какая Вы прелесть! И это очень скупое сказано. В действительности Вы лишь немного старше той девушки в Контакте, которую я нашел в начале своих поисков.

Спасибо :) Это обычное домашнее фото, я даже не ожидала, что вам так понравится.

Юлия, я всегда рад вашим сообщениям.

Продолжаю переводить, но до сих пор перевел только три главы.

Я тоже рада Вашим сообщениям, Жан. Мне кажется, Вы тонкий и думающий человек. Знаете, мы здесь психоаналитиков видим только в кино: приходит человек, ложится на кушетку и начинает что-то говорить. А врач делает из его слов какие-то свои выводы. Как это странно. И я, наверное, никогда не смогу отделаться от ощущения, что это такой вид игры.

Я заинтересовался психоанализом много лет назад, когда у меня болел желудок, и все лекарства оказались бесполезны. Я обратился к психологу. Каждый сеанс он говорил со мной по полчаса о всякой всячине, как с соседом по площадке... а я должен был платить за это пятьдесят евро! Мне пришлось отказаться от него и обратиться к другому врачу, который лечил с помощью т. н. *релаксации*. Помню, лежу на кушетке, а он повторяет монотонно: «Моя правая рука приятно теплеет», на французском «*Мом бра друа эт агрэблэман шо*» (приблиз.).

Мысленно повторив эту формулу, я испытал ощущение, будто рук у меня уже нет! Я спросил врача, что это значит. «Очевидно, имеет значение созвучие выражений *агрэблэман шо* (приятно тепло) и *агрэблэ манишо* (приятный однорукий человек). Я моментально понял, что такое влияние мысли и слов на тело и относительная значимость звуков и смысла.

Сначала я брал сеансы психоанализа из-за проблем со здоровьем. Продолжать меня толкнуло любопытство. Узнав о влиянии слов на тело, я хотел идти дальше. Врач посоветовал мне обратиться к одной из его коллег, молодой женщине, уверяя, что она очень способная.

Я записался к ней на консультацию. Врач была одновременно психиатр и психоаналитик, что у нас не редкость. У нее были темные глаза и строгий взгляд. Она говорила очень мало, тон ее был сухой, немного насмешливый. Мне было не по себе, а вместе с тем очень любопытно; Теперь я понимаю, что на самом деле подсознательно хотел сорвать с нее маску безразличия и холодности, которая так меня задевала. Впоследствии я осознал, что эта ситуация в точности повторяла другую, забытую ситуацию, когда я испытывал чувство неполноценности при сестре, старшей меня на четырнадцать лет.

Основное правило психоанализа гласит, что пациент говорит о чем угодно, а психоаналитик слушает и не отвечает, пока не найдет в его речи что-нибудь интересное. Он обращает внимание не столько на содержание, сколько на слова или, лучше сказать, на странности: оговорки, противоречия, несурзности.

Итак, я говорил врачу о прошлом, о жизни у нас дома и почему-то рассказал о белых и черных предметах, сейчас уже не помню, каких. Мое внимание к таким подробностям настоятельно аналитика, и она спросила, что приходит мне в голову при словах «белое» и «черное». И вдруг я вспомнил: пол в коридоре, который состоит из белых и черных плиток. Я разъярен, как только могут быть разъярены маленькие дети, бросаюсь к двери. Кто-то удерживает меня сзади. Сестра только что вышла замуж, и сейчас уезжает с мужем; кажется, они едут в Италию, да безразлично куда. Мне шесть лет, и я не хочу, чтобы она вообще уезжала! Нет слов, чтобы описать мое чувство потери.

Я чувствовал, что сестра принадлежит мне. Я никогда не задумывался о том, что когда-нибудь она выйдет замуж и покинет нас. Как много значит отъезд сестры для шестилетнего мальчика? Должны ли были родители подготовить меня к этому заранее? Все равно... прошлого не вернешь.

Не спросила бы врач о белом и черном, я продолжал бы рассказ и пропустил бы шанс освободиться от старого непосильного груза. Я ведь совсем забыл об этой домашней драме, никому никогда о ней не рассказывал, кроме своего психоаналитика. Сестра умерла десять лет назад, так и не узнав об этом.

Какая грустная история. В детстве я тоже думала, что брат мне некоторым образом принадлежит. У меня было убеждение, что когда мы с ним вырастем, то поженимся. Не знаю, откуда я это взяла, но такое развитие событий казалось мне естественным. Нет, у нас с ним не было жесткого разрыва, просто однажды поделилась с мамой своими соображениями, а она сказала, что этого не будет. Что Олег вырастет и найдет себе другую невесту, а я – другого жениха. Долгое время я была в недоумении: зачем нам кого-то искать, если мы уже есть друг у друга? При этом мы с братом постоянно ссорились, дрались, вечно что-то делили... Но это не казалось мне препятствием для счастливой совместной жизни.

Как неожиданно, Юлия. У вас похожий детский опыт, правда, менее травматичный. Пожалуйста, продолжайте рассказывать, мне интересно.

А нечего больше рассказывать. Это, пожалуй, и все, что я помню о наших детских отношениях. Скажите, а Вы излечились тогда от болей в желудке? Эти воспоминания помогли Вам?

Да. После сеансов релаксации я чувствовал себя прекрасно физически. Но оставались некоторые нерешенные вопросы моей расстроенной юности, и я надеялся, что с помощью анализа найду ответы на них. И действительно, когда я начал заниматься самоанализом, моя жизнь сильно изменилась.

Она улучшилась?

Я бы сказал, приобрела новый смысл. Жизнь моя стала яснее, светлее. Я понял, чего хочу, и от этого почувствовал себя более достойно.

До анализа я был замкнутым, вечно в плохом настроении; без конца переписывал план романа, которого так и не начал. Я лежал на диване, смотрел телевизор и выкуривал в день по две пачки сигарет. После анализа я перестал смотреть телевизор, бросил курить, снова взялся за учебу, получил два диплома, защитил докторскую диссертацию, опубликовал три книги, стал президентом одной философской ассоциации, которой и занимался в течение последующих пятнадцати лет.

А написали ли Вы тот роман, план которого составили? И о чем он был?

Скажем так, я его писал. В романе рассказывалось о приключениях кота, который вдруг осознал, что умеет говорить на человеческом языке. Люди ничего не подозревали о его способностях и обсуждали при нём семейные и любовные тайны, а кот своей болтовней создавал всевозможные скандалы в городке.

Интригующий сюжет.

Возможно. Но эта история никого из издателей не заинтересовала, и вскоре я забыл о ней. Рукопись исчезла бесследно. Я ее на пишущей машине набирал, еще до компьютерных времен. После первой неудачи я принялся за план для новой книги. Варианты плана менялись каждый день, я проводил много времени за улучшением структуры романа, пропорций отдельных частей, подсчитывал количество подсекций в каждой части, количество страниц в каждой подсекции и в конце концов погряз во всей этой чепухе. Но первой страницы так и не написал.

Закончив с этим планом, я продолжал придумывать новые и новые проекты, которые тоже никогда не воплощались в жизнь, пока не осознал, что неспособен к беллетристике. Я

больше философ, чем писатель. Филолог, критик, но не сочинитель романов. Я люблю литературу у других.

Подождите, а как же те три книги, которые Вы упоминали, и которые вы как будто опубликовали?

Это были совсем другие книги! Я написал их на одном дыхании в восхищении перед теми авторами, которые привлекли меня своим искусством, и тем, что неосознанно приоткрыли дверь в новые области знания. Например, первая моя книга посвящена появлению в литературе XIX века образа бессознательного. В ней я показал (по-моему, довольно убедительно), как фантастические рассказы того времени предсказали такие понятия, которые психоанализ откроет лишь сто или полтора лет спустя.

Психоанализ помог мне также выбрать профессию. Я был необщителен, но пошел туда, где важнее всего психологический подход и умение контактировать с людьми – я стал инспектором народного образования. Но весьма своеобразным инспектором! Я чувствовал себя свободным соблюдать министерские указания или нет. В моем подчинении находилось около трехсот учителей, которые не только уважали меня как начальника, но относились ко мне с личной симпатией. Я держал себя с ними демократично, отчего коллеги ревновали и часто не одобряли меня.

Работал я с удовольствием. Я делал то, что казалось справедливым мне, а не министерству, и что позволяло подчиненным выполнять свою работу наилучшим образом. Я нашел время для размышлений о своих внутренних проблемах и вдруг осознал, что до этого никогда не пытался думать – жизнь состояла только лишь из привычек.

Я описал здесь видимую часть изменений. Невидимая – была еще более ощутима и более важна.

Как мне знаком тот человек, которым Вы были в период «недумания»! Очень хорошо представляю, как Вы лежите на диване, курите одну сигарету за другой, листаете каналы телевизора... кажется, я даже вижу выражение Вашего лица. Наверное, дело в том, что таких мужчин я повидала достаточно. Таким был мой отец – правда, это состояние вдобавок было приправлено алкоголем, такими были отцы моих подруг (большинство), мои дяди, брат. И такой безысходностью веяло от этих мужчин, как будто они не живут, а доживают свои жизни и только о том и думают, скоро ли всё это закончится. А женщины их сидят на лавочке, лузгают семечки и сплетничают (если уже управились по хозяйству и накормили детей). Так проходит жизнь... Эти картины в юности очень пугали меня, и помню, в пятнадцать лет я решила, что НИКОГДА не буду сидеть на лавочке, а мужем моим будет ученый!

А мужем будет – ваш брат :)

:) Кстати, вчера он приехал. Все собрались вместе: я, мама и Олег – как раньше, когда мы жили еще одной семьей. Мама поджарила картошки на сале, яичницу с луком – тоже на сале, купила томатный сок. Всё это очень аппетитно выглядело и умопомрачительно пахло. Я зашла на кухню, думала, мы сейчас сядем за стол. Но мама предложила поесть только Олегу. Когда он уже сел, она поворачивается ко мне и спрашивает: «А ты будешь»?

Я, скрепя сердце, ответила да. «Тогда принеси себе стул», – сказала мама. Я сходилa за стулом и села к столу. Потом ели в гробовой тишине. Я смотрела вниз, в свою тарелку, – просто не знала, как встретиться с ними взглядом. В конце завтрака брат спросил: «Ты, наверное, на что-то обиделась»? Я высказала им всё, что о них думаю.

Поведение Вашей матери, Юлия, кажется загадочным, однако оно может быть вполне объяснимо. А Ваш брат не выступил Вам в защиту? Любопытно, как именно они реагировали на Ваши претензии? Что ответили мать и Олег, помните?

Нет, брат в защиту не выступил. Он слушал меня, нахмурившись, лишь в конце моей речи сказал: «Юлька, ну хватит». Здесь он имел в виду, хватит расстраивать маму.

Олег тогда приехал не просто так, а чтобы чинить маме водопровод. А я пришла шить (у мамы дома стоит швейная машинка). Так что мы собрались вместе случайно. Позже, когда я спросила у мамы, почему же, собственно... она ответила, что картошки было мало, и на всех могло не хватить. А Олегу надо было поесть в первую очередь, ведь он с работы, с ночной смены.

Пока что я не могу сделать никаких выводов о вашей проблеме. Слишком мало информации. Вы можете еще рассказать о ваших семейных отношениях?

В семье обо мне сложилось мнение как о человеке странном, оторванном от жизни. Но странном со знаком минус. Никто этого вслух не говорит, но по отдельным словечкам, по выражению лиц, по тому, как меня не хотят приглашать в общую компанию, я догадываюсь.

Меня не зовут не только в узкую компанию, где мама и Олег, но и, так сказать, в «большую семью». Несколько лет назад Олег праздновал день рождения своего сына. Собрались ехать в балку на шашлыки. Замариновали свинины, закупили овощей, водки-селедки, прочей снеди – мои родичи любят хорошо покушать. Приглашены были: обе бабушки, крёстные, кумовья, их друзья, но только – не я! А когда я стала осторожно интересоваться, почему же, собственно... мне ответили, что мясо – продукт дорогой, и на всех не хватит. Это было сказано без всякого юмора.

И вот, картина маслом: теплый летний день, вся компания собирается во дворе и радостно, в предвкушении шашлыков устремляется в балку. А я смотрю на этот праздник жизни из окна, как наказанная.

Да, это не совсем обычно для родственных отношений. Странными здесь кажутся ваши близкие, а никак не Вы. Скажите, а разве им не интересно общаться с Вами? Они знают, что Вы пишете романы?

Знают, но, кажется, они видят в этом что-то не совсем уместное. Когда я была подростком, у нас в подъезде жил писатель. А точнее, Яша-писатель – все называли его так. Это был человек прошедший войну, тюрьму, довольно почтенного возраста и вечно пьяный. Нужно было видеть, как с утра он вышагивает, весь закутанный в черный плащ, в черной широкополой шляпе. Это была не простая шляпа, а с претензией. Не знаю, в чем состояла претензия, в покрое или в особой посадке на голове, но даже в свои двенадцать лет я ее замечала. Подмышкой он нередко нес стопку бумаги (рукопись?) или нечто, обернутое газетой.

Ближе к вечеру его уже видели расхристанным, шатающимся; элегантный плащ нараспашку и запачкан в грязи... Каким чудом ему удавалось сохранять шляпу? Время от времени Яша валялся под лавочкой у нас во дворе: он – отдельно, шляпа – отдельно.

Отец мой потешался над ним, он вообще был жуткий пересмешник. Однажды Яша встал из-под лавочки; стоя на хлипких ногах, огляделся, явно в поисках своей шляпы, а отец мой сказал, указав на крышку от канализационного люка: «Так вот же она!»

Яша-писатель действительно что-то писал, кажется, военные мемуары, и даже ездил по издательствам. Он давал почитать рукопись и моему отцу, над которой тот опять-таки хохотал.

Могу сказать лишь одно: Вы от своих близких очень отличаетесь. К сожалению, они понимают Вас не больше, чем окружность понимает сферу. Это лишь интуиция с моей стороны.

Перевод вашего романа теперь насчитывает сто страниц. Я был довольно занят в декабре, продолжу уже в новом году. Юлия, поздравляю Вас с наступающим Новым годом и хочу выразить одно пожелание: чтобы продолжалась наша с Вами переписка.

Целую Вас.

Jean

Спасибо за поздравления, Жан. Мне было очень приятно их получить.

Когда я была ребенком, это было волшебное время. Папа приносил ёлку, и в доме наступал настоящий ажиотаж. Этот запах, ящик с игрушками, брошенные на пол сосновые ветки, беспорядок в комнате так будоражили меня! Папа говорил: «Отойдите, не мешайте», – а мы всё скакали вокруг и не могли уговориться. Мне казалось – вот, для чего мы жили этот год! Потом мы с братом ложились под ёлку, выключали свет и смотрели снизу на блистающие игрушки. Я могла целый вечер лежать, не отрывая от них взгляд.

Вчера по телевизору в новостях показывали Францию. У вас там уже во всю готовятся к встрече Нового года: улицы украшают огнями, ставят ёлки... А у нас в городе всё будет серо до последнего дня, лишь в ночь с тридцатого на тридцать первое приволокут откуда-то облезшие сосновые ветки и быстро соорудят возле кинотеатра ёлку на железном каркасе. Потом набросят на нее пару трубок бегущих огней, и всё – праздник готов. А у Вас в Лиможе как?

Новогодняя обнимашка!

У нас отмечают не столько Новый год, сколько Рождество. Но по телевидению все преувеличивают – лампы и гирлянды зажигают теперь значительно позже, ведь нужно экономить. А вот игрушки в магазинах выставляют на продажу с каждым годом все раньше. Это будет будоражить воображение детей, малыши будут два месяца надоедать родителям, пока те не купят им что-нибудь. Доход превыше всего! Капитализм так капитализм.

Тридцать первого мы немного праздновали с женой, нас было только двое. В 00:05 уже легли спать. Мои дети были в Марокко, а дочь жены, которая провела с нами Рождество, гостила у друзей в горах. Мы выпили бутылку шампанского, ведь Новый год без шампанского – не праздник. Ели фуагра и слоёный пирог со сладким мясом.

Сладкое мясо? Оно действительно сладкое или это просто название такое?

Видимо, «сладкое мясо» – неправильный перевод для того, что я имел в виду. Блюдо, купленное мной к новогоднему ужину, называется *bouchée à la reine* (королевский пирожок) и представляет собой приrog с начинкой из грибов, соуса и телячьей зобной железы. Оно вовсе не сладкое на самом деле.

А как у вас прошел праздник?

Тридцать первого не было ничего особенного: ели, скушали. Первого – мама вытащила меня на прогулку.

Первое января – единственный день в году, когда в нашем городе бывает необыкновенно тихо. Все отсыпается от безудержного веселья, на улицах ни души. Я люблю гулять в это время. Только под вечер начинают показываться редкие прогуливающиеся парочки и мамы с детьми. Все идут в центр, на ёлку. Под магазинами собираются испитые лица. Они с жадностью откупоривают бутылки и пьют пиво прямо на морозе. Впрочем, они там видны всегда.

С праздником я поздравила только родню в Сибири, а больше никого. Ближайшим родственникам звонить неохота, не по интернету же им писать.

Новогодних карточек я тоже почти никому не посылал, мне лень. Но едва получаю Ваше письмо, хочется тотчас же ответить; на каждое Ваше предложение имею десяток своих, не успеваю записывать. Даже самому себе не могу объяснить почему. Ведь я по природе молчаливый, не склонный к излияниям, свои мысли и чувства не доверяю даже самым близким. Иногда меня в этом упрекают, и заслуженно.

Я не красноречивый, импровизировать не умею, но, читая Ваши сообщения, открываю в себе такие неожиданные реакции и способности к живому слову, которых никогда не подозревал. Меня все время тянет к компьютеру, чтобы проверить, нет ли письма от Вас, или чтобы написать ответ. И когда по той или иной причине не могу сделать этого, втайне страдаю. Мне смешно самого себя. Пожалуйста, не рассказывайте никому.

Не переживайте, Жан, я никому не скажу. Мне не с кем говорить о Вас.

Жан, а если бы Вы встретили меня в своей реальной жизни, ну, к примеру, я была бы вашей студенткой или пациенткой, Вы так же захотели бы со мной общаться?

Если бы мы встретились в реальной жизни, все произошло бы иначе. Если бы Вы были моей пациенткой, например, то мы бы не общались в обычном смысле слова. Во всяком случае, мы общались бы совсем по-другому.

Пациенты говорят много, я – очень мало. Они рассказывают о том, что приходит им в голову, иногда получается крайне бессвязно. Я же стараюсь толковать их высказывания – если только толковать удаётся.

Я никогда ничего не рассказываю пациентам о себе. Психоаналитик является не собеседником, а своего рода зеркалом. Он возвращает то, что ему говорят, но отражает и другой возможный смысл высказанного.

Студентам я тоже не рассказываю о себе. Мы общаемся лишь касательно предмета обучения. Здесь, наоборот, я говорю много, а они мало – обычно лихорадочно что-то записывают. Кстати, я перестал преподавать в университете, в этом году я буду лишь консультировать студентов, будущих учителей. Мы будем общаться по электронной почте, а в июне я окончательно уволюсь. Народному образованию я посвятил сорок лет своей жизни, хватит.

Лишь только дома я говорю о себе, но очень мало. От этого мне часто бывает неловко. Жена редко разговаривает со мной, хотя утверждает, что хотела бы чаще. Когда возвращаюсь из Крессака, где по несколько дней живу в своем доме, всегда рассказываю ей о местных новостях и интересуюсь, как у нее дела. Она скупко отвечает. Вы же, наоборот, всегда достаиваете меня подробным ответом. Но Вы иностранка, и так далеко...

Надо же, я раньше и не думала, что могу быть для кого-то иностранкой.

Да, Юлия, Вы иностранка. Но утешьтесь: любимая моя иностранка.

Глава 2

Мой муж никогда не обделяет меня общением. Но он бывает грубым, неадекватно грубым. Например, недавно я убирала со стола и стряхнула в раковину крошку. Он заметил и тут же накричал на меня, зачем я засоряю водосток. Мне стало обидно. Я подумала, что ведь Крошка – это я. А он видит только ту крошку, которая упала в раковину.

И все же не разговаривать с ним больше получаса я не могу, мне становится не по себе.

Олег очень любит порядок. (Да, моего мужа зовут так же, как брата). В мое отсутствие полотенце на кухне лежит аккуратно сложенным в специально отведенном ему месте, краны начищены до блеска, а после каждого пользования раковиной он вымывает и вытирает ее насухо. Поэтому, чтобы избежать нервотрепки, я пишу у мамы, живя у нее периодами. Олег с этим согласен, потому что когда я пишу, я совсем забрасываю хозяйство, а он не может смириться с тем, что я не отношусь к порядку с таким же трепетом. Он считает это большим недостатком, особенно для женщины.

А как мама относится к тому, что вы живете у нее?

Нормально. Она ведь до сих пор считает меня своим ребенком. Иногда даже слишком своим. На днях у нее был день рождения. Праздновали в очень тесном кругу – из гостей были только мы с Олегом. Разговор почему-то зашел о моих бывших мужьях (а было их всего двое). Мама выразилась в том смысле, что оба они были ничтожества, и что ни отец, ни она никогда не одобряли моего выбора. Одного из них она обозвала в придачу обидной кличкой.

Что ж, всё верно. Я сама не одобряю своего прежнего выбора, но только зачем об этом говорить? Да еще в таких выражениях. Получается, половину своей взрослой жизни я провела с ничтожествами, тогда сама я кто?

Вы, наверное, подумаете, что моя мама бестактный и грубый человек, но ничуть не бывало. Если бы Вы слышали, с какой деликатностью она общается с другими людьми: слова лишнего не скажет, вопроса неуместного не задаст. Только со мной мама считает возможной такую откровенность – на правах того, что, дескать, она же не чужой человек.

А Олег подпил и вдруг наговорил мне столько комплиментов, сколько я от него за все эти годы не услышала. На это я никак не отреагировала, а он, по-видимому, обиделся. Но я, кажется, уже потеряла способность отвечать на такого рода признания; комплименты ставят меня в тупик.

Ах, Жан, не буду больше говорить о своих, иначе я начну раздражаться и клеветать на них.

Не ожидал, что у Вас есть бывшие мужья – настолько молодо и свежо вы выглядите. Расскажите как-нибудь о них? Кто они были, и почему вы расстались?

Обычная история, ничего интересного. Один парень сделал мне предложение. Я не то чтобы обрадовалась, а так... надо было выходить замуж. Почему «надо было»? Потому что уже двадцать лет, и родители, и всё окружение, и как будто сама жизнь говорит тебе: ну когда же? Конечно, никто этого вопроса вслух не задавал, это даже не обсуждалось, но так многозначительно умалчивалось, что мне становилось не по себе. Родители как будто выталкивали меня замуж (почитали бы они эти строки!)

В общем, мне сделали предложение, а я – то приму его, то откажусь, то снова приму, и так несколько раз. Дело было не в том, что парень плохой, а в том, что мне никакой парень тогда не был нужен. За три года до этого я пережила несчастную любовь – но любовь с моей

стороны. Меня же, как я понимаю, не любили. Это был мужчина, уже взрослый. Мне было семнадцать лет, а ему тридцать. Он не был женат.

Между нами были платонические отношения; самое большее, что мы делали – держались за руки, и то всего несколько раз. Наши встречи продолжались где-то полгода, но это не были в полном смысле слова «рандеву». Он обычно забирал меня после учебы, и мы куда-то ехали по его делам. По дороге разговаривали. Мужчина занимался мелким бизнесом, и ему нужно было встречаться с разными людьми. Когда деловая часть была окончена, гуляли по городу, сидели в кафешках и снова разговаривали.

После полугода таких свиданий он куда-то исчез, ничего не объясняя, и мне было очень плохо. Я не могла ни есть, ни пить, ни спать, ни, собственно, жить. Зимой в одежде я хотела сброситься с моста в реку. Я думала: один прыжок и всё закончится – слава богу, закончится эта жизнь! Это состояние продолжалось примерно два года. На третий я вроде отошла, стала немножко живей, но жизнь оставалась для меня такой серой... Не могу передать, какой безвкусной, бессмысленной она была. Меня ничто не радовало, не огорчало, я ни к чему не стремилась, никого не хотела видеть, и я боялась, что такой жизни впереди у меня еще много-много лет. Меня пугало, что я такая молодая. Я думала: была бы я бабушкой, тогда бы мне уже недолго осталось. По сути, у меня и было состояние бабушки. На какой-то журнальной странице я увидела старушку лет восьмидесяти, сухую, сморщенную, и подумала: это я.

На удивление, жизнь в то время я вела довольно резвую: я ходила на дискотеки, разные увеселительные мероприятия, знакомилась с парнями – у меня было много женихов! Но всё это к моей настоящей жизни не имело никакого отношения. Просто так было надо. Танцевала, потому что все танцевали, встречалась с парнями, потому что все встречались. Я не хотела этого, но один раз в каком-то журнале я прочитала советы психолога: там говорилось, что если вы в депрессивном состоянии будете замыкаться, то будет еще хуже. Вот я и развлекалась, как могла.

Дома я вела себя совсем иначе. С родителями почти не разговаривала, часами пролеживала на кровати, глядя в пространство перед собой. Я хотела только одного – чтобы меня никто не трогал. А у нас в городе в то время часто отключали электричество. Что ни вечер, отключают часа на два – в целях экономии, как нам объясняли. Мой отец всегда злился на это, ругался, выходил из себя – ему хотелось смотреть телевизор.

Зато для меня тишина была настоящим раем. Я думала: хоть бы его совсем не включали. По всему дому, по всем дворам и улицам становилось темно, исчезали краски, звуки, жизнь замирала, и я чувствовала, что пришла маленькая смерть. Мне становилось легко.

Я тогда высовывалась из окна, ложилась спиной на подоконник и смотрела на звезды. Черная тьма и звезды – звезды и черная тьма. Что еще нужно человеку? Я хотела бы лежать так часами, а лучше всего вечно.

Но я отвлеклась. Итак, мне сделали предложение, и моему отцу уже надоело, что я постоянно откладываю свадьбу. Я видела, ему было неловко перед сватами за то, что у него такая противоречивая дочь. Для торжества было все закуплено, спланировано, договорено – одного дожидались: когда эта Юля соблаговолит, наконец, принять решение.

Я чувствовала, что моему отцу и матери мой будущий муж не нравился. Да он едва ли нравился мне самой. Но родители и не подумали сказать: «Может быть, не надо»? Наоборот, все ходили вокруг меня с таким видом: ну когда уже? Теперь моя мама говорит, что он был ничтожество. Почему же она не сказала этого тогда?

В очередной мой «заскок», когда я решила, что всё отменяется, отец пришел ко мне в спальню. Он никогда раньше не разговаривал со мной, особенно на такие темы, мы были очень далеки друг от друга. А тут он спрашивает:

– Что случилось?

Я, как всегда, лежала на кровати, ни о чем не думая. Его вопрос меня испугал. Я поняла, что теперь не отверчусь, и надо что-то отвечать. Но не могла же я сказать ему, что уже третий год люблю другого, что этот другой никогда не появится в моей жизни, поэтому говорить здесь не о чем!

Отец сидел на подоконнике с каким-то залихватским видом, так, как он никогда не сидел. Во-первых, он вообще не садился на подоконник – это было в его годы по-мальчишески. Во-вторых, он так поставил ноги и руки, что я его совсем не узнала. Меня охватила жуть. Я ответила ему что-то типа: не хочу, и всё. Я не собиралась с ним объясняться. Тогда он сказал:

– Раньше я тебя любил. Ты была маленькая, веселенькая, у тебя глазки блестели, и ты была таким чудесным существом.

– А теперь ты уже не любишь меня? – спросила я.

– Как тебя любить? Ты целыми днями лежишь, смотришь в потолок, и глаза у тебя пустые. Ты оказалась пустышкой.

Я почувствовала, что это правда. Пошла к зеркалу посмотреть на свои глаза – они были пустые. Я сама от себя отшатнулась.

После этого моя свадьба пошла на лад. Я вышла замуж и благополучно через год развелась. Удивительно, но мы с моим первым мужем были очень похожи внешне, нас даже принимали за брата и сестру.

Но это еще не конец истории. Спустя несколько лет мой отец заболел смертельной болезнью, он был прикован к постели. Мать ухаживала за ним, я ей помогала. Но, знаете, я помогала как-то бесчувственно, мне не было жаль отца, я просто понимала, что это мой долг. Мы жили бедно, денег хватало только на самую скромную еду и лекарства. А отцу требовались свежие соки, фрукты и много еще чего... У меня были свои деньги (я тогда уже работала), но с родителями я ими не делилась. Я не скрывала, что у меня есть деньги, а просто вела себя так, как будто это не их дело. И вот однажды отец говорит мне:

– Юля, в городе N есть целительница, она лечит таких больных как я. Если бы отвезти меня к ней... Только нужны деньги – X гривен. Он тогда уже редко вставал, сделался слабый, покорный и говорил очень тихо, экономя силы. Я сделала вид, что не услышала.

Бедная моя Юлечка. Мне кажется, Вы не всё рассказали, или я что-то пропустил. Я плохо понял, что случилось между Вами и отцом перед этим. Почему вы были против него настроены? Что он вам говорил? Что делал?

Понимаете, папа был разочарован во мне. Он с детства считал меня очень талантливой, очень красивой. В чем конкретно талантливой, непонятно – я тогда еще не писала романов. Я рисовала, танцевала и в танце я старалась подражать танцовщицам, которых видела по телевизору. Но, думаю, этим грешат многие девочки от пяти до двенадцати. Приходили его друзья и восхищались: какая у тебя красивая дочка! Папе это нравилось, и все сходились во мнении, что я необыкновенная.

Жан, я и сама себя считала необыкновенной! Смотрела в зеркало, и мне казалось, я самая красивая девочка на свете. Редко кого я могла сравнить с собой.

Потом папа резко охладел ко мне – даже не охладел, а начал меня как бы презирать. Он почему-то думал, что я вырасту проституткой. Папа выкрикивал на меня всякие оскорбления и заранее обвинял в будущих грехах. Говорил, если я забеременею, он меня убьет. Мне было тогда четырнадцать лет.

В то время мама взяла нам с братом туристические путевки в Крым. Это был поход для старшеклассников. В группе собрались парни и девушки пятнадцати-семнадцати лет, но мне они казались совсем взрослыми. Я была младше, чем требовалось, и меня взяли только потому, что я была с братом. С нами шли сопровождающие инструктора – двое взрослых на каждый

отряд. Мы ночевали в палатках, готовили себе еду на костре, проходили в день по двадцать километров, и прочие прелести туристической жизни.

Перед этим походом папа без конца повторял мне о моем возможном распутном поведении, и о том, какое наказание за этим последует, т.е. он меня убьет. Папа сказал, что лучше пусть у него не будет дочери, чем такая шлюха, как я. А доказательством моей развращенности должна была стать беременность. По его словам выходило так, что как только парень приблизится к девушке, та теряет над собой всякий контроль, и все происходит само собой, без ее сознательного участия.

В ночь перед тем, как нам ехать на сборы, я была на грани. На меня напал страх, что я забеременею. Я думала, если это случится, то мне придется покончить с собой. Кажется, я даже не смогла получить удовольствие от похода – всё время боялась, что ко мне кто-то подойдет, и тогда я автоматически забеременею. Помню, на одном переходе мне было очень тяжело. Под ногами всю дорогу попадались крупные камни, которые разбивали мои ступни через тонкую подошву кед, день стоял невыносимо жаркий, и казалось, что ноги горят. Меня шатало от усталости. Один парень поравнялся со мной и предложил понести рюкзак – я от него как шарахнусь!

В нашем отряде почти всем девушкам парни помогали нести рюкзаки, одна я несла свой стоически, а ведь я была в отряде самой маленькой. Некоторые девушки сами просили парней: понеси. Я думала: как можно просить об этом?!

Я, кажется, поняла теперь, что значит разочароваться в своем ребенке. Да, отец во мне именно разочаровался. Представьте, вы пишете книгу, вы отдаете ей все самое лучшее, что у вас есть. Конечно, хорошая книга пишется сама, ты просто не мешаешь ей писаться, но все же твое участие важно. И вот ты работаешь над ней, допустим в течение двух лет, а потом отстраняешься, чтобы посмотреть на нее со стороны, и видишь: это же полная чушь! В ней же ничего нет! Все то, что ты вложил в нее, каким-то образом превратилось в ничто, в пустышку. Только отец меня растил не два года, а двадцать лет – вот разница, и вот масштаб его разочарования.

Я понял так, что отец не признавал Вас как личность. Это невыносимо, я бы даже назвал это виной. Своих детей надо принимать такими, какие они и есть, несмотря на то, оправдывают они твои надежды или нет.

Жан, верите ли Вы в карму? Я не спрашиваю, верите ли Вы в догму, но: верите ли Вы в то, что нас ждет расплата за наши поступки?

В карму я не верю, собственно говоря, но я соглашаюсь с тем, что в этом мире нам приходится справляться с последствиями наших поступков.

А как вы считаете, я не слишком жестко обхожусь со своими родственниками?

Судя по описанию, Ваши родственники – люди интересные, я бы даже назвал их живописными. В таких ситуациях, которые вы описывали, не может быть простого подхода. И я не назвал бы ваши действия жесткими. Мне кажется, тут есть хороший сюжет для драматической пьесы, на полпути от Чехова до Стриндберга: я отсюда живо слышу ссоры, крики, вспышки, вранье и грубые претензии... Движение, конфликты, насилие, неожиданность! Увлекательно! Когда Вы приступите к ней?

Сначала нужно дописать роман, который я сейчас начала. К тому же наши семейные отношения вовсе не видятся мне настолько уж интересными. Скорее, трудными. Возможно, со стороны это выглядит и увлекательно, а как поваришься там... Проблема еще и в том, что я

имею свойство писать очень узнаваемо, всех моих прототипов можно легко распознать. Представьте, напишу я о своих, да всю правду! Не миновать мне семейного суда.

В том романе, который вы сейчас переводите, я упомянула, что мой дедушка сидел в тюрьме. Там было всего пару слов об этом, я и забыла о них. Но спустя время ко мне пришла тётя (дочь дедушки) выяснять отношения за эти строки. Поначалу я просто не поняла, о чем она говорит – на ней лица не было. Тётя меня отчитывала таким жутким, сдавленным голосом, что я испугалась. Нет, она не швырнула мне книгу в лицо, но призналась, что швыряла её дома об пол. Уже не помню, как я ее успокоила, но меня саму потом неделю трясло. Попробуй о таких напиши!

Я записал для Вас отрывок из Вашего романа на французском. Прослушайте и скажите, как Вам нравится.

Французский язык мне понравился, и очень понравился Ваш голос. Я ожидала какого-то прищептывания (так, мне показалось, говорят французы по телевизору), но вышло довольно четко, местами даже жестко. Возможно, потому что голос мужской.

Дорогая Юлия (можно так на русском или неприлично?)

Я сделал для Вас несколько фотографий своего загородного дома в Крессаке. На фото он кажется небольшим, но на самом деле этот дом больше, чем наша квартира в Лиможе; вокруг прилегает участок площадью две тысячи пятьсот кв. метров.

Вот комната, где я просиживаю большую часть времени. На стеклянном столе стоит ноутбук, мы с ним неразлучны. За ним – часть широкого окна, выходящего в сад. Таких окон здесь два, поэтому очень светло.

А это вторая половина комнаты: гостиная с камином в глубине.

На третьем снимке мой кабинет, который в самом конце здания. Там я принимаю пациентов. Эта комната, в отличие от первой, очень маленькая, но для меня достаточно. Я обычно сижу в кресле; некоторые пациенты лежат на кушетке справа, другие сидят на диване слева. Я предпочел бы, чтобы они лежали и не смотрели на меня – это мешает сосредоточиться и производит впечатление, будто мы просто разговариваем по-соседски. А ведь это совсем не так. Но некоторые люди не могут терпеть лежачего положения.

Дорогой Жан (конечно, это обращение вполне уместно),

если бы я была Вашей пациенткой, я бы, наверное, тоже не захотела лечь на кушетку, а села бы напротив Вас и смотрела бы Вам в глаза, и ждала отклика на свои слова. Нет, от меня бы вы не спрятались! Когда я разговариваю с человеком, мне необходимо смотреть ему в лицо, я не представляю, чтобы можно было произносить слова в пустоту.

Ваша дача мне очень понравилась, особенно изящный столик с полочками (буфет? этажерка?). Там еще стоят такие чайнички, книги, а сбоку висят бусы.

Это старинный сосновый буфет. В нем помещаются всевозможные мелочи и книги, которых везде слишком много. К сожалению, по доскам уже пошли длинные трещины. Сосна – дешевый материал, а время не щадит.

Мне кажется, этот буфет – добрый дух Вашей комнаты.

Да, как верно вы заметили! Я очень люблю его. Но слово «дача» вызывает у меня образ грубой, неудобной хижины в лесу. По-моему, оно не совсем подходит к моему дому.

А что тогда? Коттедж?

Нет, это отдает чем-то английским и старомодным.

Вилла?

А «вилла» – итальянским и роскошным, чем мой дом совсем не является. Ну, пусть будет «дача»! Я очень люблю свою дачу. Мне досадно, когда приходится подолгу оставаться в Лиможе.

Представляю Вас за этим стеклянным столом и компьютером. Как Вы сидите там и что-то набираете. Еще очень понравились окна от пола до потолка – создается впечатление, что ты дома, но в то же время и на улице.

Окна от пола до потолка вошли в моду совсем недавно. Возможно, потому что новые технологии позволяют сделать отличную тепловую изоляцию – не приходится много тратить на отопление. А звукоизоляция у них такая хорошая, что даже не слышно, как во двор въезжает машина.

Я тоже высылаю вам несколько фотографий нашей квартиры.

Спасибо за фото, Вы здесь очень милая. Но мне показалось, у Вас (на диване) грустный, чуть ли не холодный вид. Хотелось бы узнать, отчего это?

Фото было сделано как раз после того, как я показала Олегу свой новый роман. «Ты пишешь так, как бабы на базаре разговаривают», – его слова. «Какая у тебя концепция»? «Каков главный нерв твоего произведения»? – вот какими вопросами он меня мучает. А какой у меня нерв? – я не знаю! У меня нервы от этого разговора были на пределе. Я начала резко отвечать ему. А он: не кричи. И повторил мне это раз пять. Ну а когда возбужденному человеку говорят «не кричи», достигают обычно обратного эффекта. И я закричала очень громко, так что потом уже не могла разговаривать, сорвала голос. Он сказал: «Ты истеричка, что подумают соседи», – и отвернулся к своему ноутбуку смотреть кино.

Проблема в том, что я не обладаю собственным видением. Например, я пошила новое покрывало на диван, и оно мне понравилось. Перед этим я долго выбирала ткань, продумывала выкройку, и, наконец, принесла его, застелила и говорю Олегу: «посмотри». А он: «Что за уродство. У тебя нет вкуса». Я смотрю – действительно, уродство, и да, таки безвкусица... Но я вижу это, только когда он скажет! Раньше я бы обиделась, начала доказывать обратное, а сейчас ничего – только немножко огорчилась. Даже удивилась своей спокойной реакцией. И так у меня во всем: и в романе, и в покрывале, и в одежде, которую я ношу, и которая ему не нравится. За всю нашу жизнь он не похвалил ни одного моего платья. Вот... начала романом, а закончила платьем – но это всё где-то одно и то же.

О вкусах не спорь! Вы, кажется, реагировали так, будто это покрывало и роман обязательно должны были понравиться и Олегу. Это мнение основано на следующем: Муж знает, что красиво, и что некрасиво, а я нет. Но что может быть более субъективным, чем красота? По-моему, Вы оттого обиделись, что верили: вкус – объективное понятие. Еще более удиви-

тельно: Вы отказались от собственного вкуса; сразу же согласились с тем, что у Вас вкуса нет. На самом деле нет вкуса без ценителя. Когда говорят, что у кого-то нет вкуса, значит, человек этот любит не те вещи, которые нравятся большинству людей. Проблема у Вас не в «плохом» вкусе, а в подчиненности чужому вкусу.

Глава 3

Юлия, знакомство с Вами заставило меня вспомнить о мастерстве переводчика и желании совершенствования в этом деле. Почему я хочу безукоризненно владеть русским? У сестры была любимая подруга, голландка, работавшая на телевидении и говорившая бегло на нескольких языках. Я никогда не проверял этого, разумеется. Но все восхищались ее познаниями в лингвистике, и я поверил, что она действительно мастерски говорит. А еще, кажется, мне пришла в голову мысль, что если я стану экспертом в языках, сестра будет любить меня так же, как ее.

Вы писали, что считали сестру «своей». Получается, считали своей, но не были уверены в ее любви?

Поскольку сестра была старше на четырнадцать лет, для меня она была не сестра, а своего рода помощница матери. Это была бойкая, энергичная девушка, которая свою роль принимала всерьез. Я думаю, она сама считала себя больше матерью, чем сестрой. Так, что для меня, малыша, понятие женского приобрело другой смысл, не такой, как у остальных мальчиков. Если бы сестра была «настоящей», я бы играл с ней, видел ее недостатки: как она злится, дуется, не выносит моих шуток. Но мы не были равноправны. Моя сестра отличалась сущностью, промежуточной между неполноценными детьми и всемогущими, совершенными взрослыми. А следовательно, такими были и все женщины.

Отсюда, мне кажется, у меня идет идеализация женщин. Где-то бессознательно возникла та странная мысль, что девочек Бог избавил от всех наших мальчишеских недостатков. И чрезмерно обобщая, я пришел к (все еще бессознательному) выводу, что женский пол является чем-то вроде высшего состояния человечества. Поэтому я всегда считал общество женщин гораздо интереснее мужского (ложное видение).

Потом сестра вышла замуж (резкое разочарование), и только теперь понимаю, что в глубине души я никогда ей этого не прощал. Я бы даже сказал, что в дальнейшем, разрушив чужой брак, я словно разрушил ее брак с тем мужчиной, которого глубоко презирал.

Вы... были увлечены своей сестрой? Я имею в виду романтически.

С тех пор утекло так много воды, что могу без стыда об этом рассказывать. Да, в юности я считал сестру привлекательной. Я был подростком и, как большинство, немножко озабоченным, и чувствовал к ней сильное влечение. Беда была в том, что она взрослая и мне сестра. Однажды она разговаривала с нами об одной своей соседке, и дала понять, что эта женщина доступная, «любит молоденьких». Сестра часто клеветала на других, беспощадно критиковала. Она, наверное, не думала о нас с братом как о «молоденьких», считала нас детьми, хотя нам уже исполнилось по пятнадцать (мы близнецы). Но эти слова были услышаны. «Любит молоденьких» я воспринял в широком смысле, и мое воображение воспламенилось. Итак, существовали женщины, для которых возраст не был препятствием. Отбросив всякий стыд, теперь признаюсь, я думал про себя: а может, и сестра из них?!

Я так и не смог проверить утверждение сестры про соседку. Мы с братом были у нее в гостях и на следующей неделе уехали домой. Но если бы даже погостили там подольше, я уверен, что не осмелился бы удостовериться.

Ах, Жан, какого смешного подростка Вы описали! Влюблен в свою сестру, мечтает соблазнить соседку – так и просится в роман!

Еще одно романтическое приключение из детства. Когда мне было девять лет, я сорвал розу в саду, чтобы подарить маленькой соседке. Мать меня отругала и объяснила, что так делать не принято, это разрешено только взрослым... что в дальнейшем причинило мне множество проблем.

Как жаль, что мама не разрешила Вам подарить ту розу! Вы подражали взрослым – но ведь Вы подражали в хорошем, а не в плохом.

Почему-то я не уверен, что мой подарок она приняла бы с улыбкой.

Самый прекрасный цветок может быть подарен только ребенком. Взрослые мужчины дарят цветы уже не так бескорыстно. Они как будто ожидают чего-то в ответ. Пусть не конкретных действий, но улыбки, взгляда, возможности общения... Так лучше бы уж совсем не дарили. А какой была та девочка из Вашего детства, можете описать?

Деталей уже не помню, но у нее были черные глаза, как у моего психоаналитика. И как у вас.

Ваша история о розе навеяла мне воспоминание о другой розе. Я тогда работала в библиотеке и встречалась с Олегом. Примерно два года мы вели такие свободные отношения: то он у меня в гостях, то я у него.

А в библиотеку ходили два парня, одному шестнадцать, другому семнадцать лет. Я к ним относилась как ко всем прочим, – бывало, словом перекинемся, больше ничего. И вот что-то им в голову взбрело (юность!) – сижу я однажды вечером дома, у меня Олег, с нами мама, мы о чем-то мило беседуем, вдруг стук в дверь. Открываю – эти двое на пороге. У одного в руках большая голландская роза, у другого – торт и какой-то пакет. Я просто остолбенела. И откуда они узнали мой адрес? Один из них говорил какие-то слова, но я едва понимала смысл; я только думала, что в зале сидит Олег, и куда мне теперь девать эту розу и этих парней? В общем, я не стала отказываться, взяла у них розу, торт и пакет, поблагодарила и закрыла перед их носом дверь. Не то чтобы я так хотела их подарков, но что мне было делать? Я боялась, что эта сцена затянется, Олег услышит мужские голоса, и как я с ними препираюсь, и тогда выйдет вообще бог знает что. Но роза была такая красивая!

В пакете оказалось вино, какие-то конфеты... Торт мы с удовольствием съели, розу поставили в вазу, немного поиронизировали насчет незадачливых ухажеров, и, знаете, я даже подняла перед Олегом свое реноме. Но тех ребят мне было так жаль! У них на лицах было написано что-то искреннее, хорошее. И почему они не выяснили сначала, одинока ли я, и стоит ли ко мне с такими подношениями приходить прямо домой.

Но это еще не все. С тех пор прошли годы; еду я в автобусе этой зимой. А дело было ранним утром, этот рейс был самый первый по расписанию. У меня в кармане крупная купюра, а у водителя нет сдачи. Он не говорит мне: выходи из автобуса, но как-то так смотрит... Вдруг, откуда ни возьмись один из тех парней – именно тот, который держал розу. Он расплатился за меня, причем бросил водителю купюру вдвое большую, чем требовалось, и сдачи дожидаться не стал.

Смешная и трогательная история... Видимо, желание этих парней видеть Вас вблизи было так сильно, что они забыли элементарную осторожность. Я знаю Вас только издалека, даже не слышал Вашего голоса, а должен сказать: я их понимаю.

Жан, я хочу открыть Вам маленький секрет. У меня есть увлечение – астрология. Я ото всех это скрываю, потому что когда люди узнают, они начинают смотреть на тебя как-то... будто ты немножко не в себе. Олег говорит, что лучше бы я в секту подалась, и как можно верить в такую чушь. Но здесь речь не идет о вере, мне просто необходимо как-то объяснять для себя окружающий мир. Так вот в связи с этим я хочу у Вас спросить: Вы можете сообщить мне дату, время и место Вашего рождения? Я хочу построить ваш гороскоп. Время желательно поточней, а если не знаете, хотя бы время суток. Надеюсь, Вы не думаете, что астрология – это колдовство и может Вам чем-то повредить?

Поверите Вы мне или нет, но и я когда-то увлекался астрологией! Это было двадцать лет назад. Сначала выходило удачно – редкие люди, гороскоп которых мне приходилось толковать, были удивлены. К сожалению, мои дальнейшие попытки не увенчались успехом. Когда родились мои внуки, к примеру, я пытался трактовать их натальные карты, но уже безуспешно. Так я и бросил астрологию. Надеюсь, Вам больше повезет.

Родился я 13-го августа в 21:15 (местное время) в городе Argenteuil (48°57 N, 2°15 E). Мне 60. Вот и посчитайте, в каком году.

Луна и Венера говорят о Вашем идеале женщины. С Луной в Рыбах более-менее понятно: для вас главное, чтобы женщина откликалась на Ваши самые тонкие чувства, умела бы сопереживать, прощать. С Венерой в Весах посложней: ваша женщина должна быть такой, которой можно было бы гордиться: изысканный вкус, изящные манеры, достойно смотреться в любом обществе, внешне быть немного холодной. Может быть, чтобы нравиться Вам, иногда она должна проявлять своеволие, упрямство, самостоятельность в суждениях и поступках. Вообще Венера показывает, что это должна быть довольно сложная личность. Как совместить две составляющие, Луну и Венеру – это для вас вопрос.

Юлия, та женщина, которую Вы описали, действительно близка к моему идеалу! Но я с Вами соглашусь, что совместить обеих донельзя трудно!

Да, это, так сказать, идеал. А знак десцендента (Дева) показывает, что Вы имеете на самом деле. Ваша жена – земная женщина. Она не витает в облаках, умна, критически мыслит, практична. Ее внешность безупречна в том смысле, что она очень тщательно следит за собой. Жена может критиковать Вас по мелочам, но зато она верная и терпеливая. С толком тратит деньги.

О, критиковать по мелочам! Это очень мягко сказано. Но признаюсь, иногда я заслуживаю критику. И терпения ей не занимать, это правда. А насчет того, что она с толком тратит деньги, я не совсем согласен. С толком, да – но лишь в ее понимании.

Есть еще один интересный момент. У моего мужа стеллиум в пятом доме. Такой же есть и у Вас. Я ему говорю: по гороскопу ты артист. Он смеется.

– Ты где-то выступаешь, постоянно на виду.

– Я закрываюсь в своем кабинете и никого не хочу видеть.

Это правда, с сотрудниками Олег не общается, на собраниях педсовета присутствует отсутствуя, при чем же здесь выступления? Но однажды он сказал:

– Надо подготовить новую лекцию, ведь полтора часа я должен их чем-то развлекать, – он имел в виду студентов.

– Развлекать?

– Да, по сути моя работа сводится к тому, чтобы удерживать внимание слушателей, для этого я должен постоянно говорить им что-то новое и интересное.

Еще его слова:

– Сегодня у меня пять часов сольного выступления, – это значит, пять лекций.

Вот в чем разгадка: читая лекции, он чувствует себя актером на сцене. Это его субъективное ощущение, но оно очень верно отражено в гороскопе.

Так и у вас. Чувствуете ли Вы себя актером в своей жизни, хотя бы в некоторых ее моментах?

Артистом? Никогда не задумывался об этом. А ведь знаете, да, я артист. Но в отличие от Вашего мужа, мне моя роль нравится. Я люблю выступать перед студентами, люблю их внимание к теме, вопросы. Я отдал этой деятельности почти сорок лет и чувствую теперь, что это была одна из моих любимых ролей.

Я немного заглянула в Ваше будущее. В течение ближайших двух с половиной лет Вам предстоят странные, запутанные отношения с женщиной. И они уже начались.

Даже предположить не могу, с кем бы это могло быть. Мы с женой не говорим друг другу больше пяти слов в день, отношения наши предельно ясны. А других женщин в моей жизни нет... кроме пациенток.

Можно догадаться, что пациентки ваши – весьма запутанные дамы. И способны запутать кого угодно.

Нет, Юлечка. Как обычный человек, я никогда бы не интересовался ими.

Их всего трое. Одна – шестидесятилетняя дама, жена заведующего Национальным Банком в городе, она живет в постоянном страхе того, что муж ей изменяет. Она видит, как в их доме появляются и исчезают предметы личного обихода, рубашки, галстуки, и подозревает, что он то ли купил их с любовницей, то ли унес их с собой в квартиру, которую якобы купил для любовницы. Она много плачет, хотя и меньше после шестимесячного лечения. Порой Банкирша начинает замечать, что возможно, эти предметы она сама положила в другое место, или эти очки совсем не новые, не чудом появились на носу у мужа: их видно на фото, которое было сделано прежней зимой. Она постепенно осознает, что ее претензии только ухудшают ситуацию, мужу надоедают постоянные семейные скандалы, она достигает обратного эффекта.

Другая – высокая, спортивная блондинка на спортивном автомобиле, 27 лет. Не работает, но родители платят за все что угодно, включая психотерапию. Кажется, у нее есть все, чтобы быть счастливой. Но она испытывает сильные припадки тревоги. Страдает болезненным страхом при мысли о том, чтобы идти на работу, потому, что там может возникнуть... припадок! Уже полтора года сидит дома, встает в пять часов дня и бездельничает. Нужны были шесть месяцев, чтобы она всерьез вошла в процесс лечения. До этого лишь жаловалась и повторяла одно и то же: на первом рабочем месте ее оскорбляли, обижали, ей было ужасно плохо. К тому же боится совсем сойти с ума.

Третья – молодая социальная помощница, тридцать два года, она страдает частыми головными болями. Ее мне прислал лечащий врач, потому что все прописанные до сих пор лекарства не помогали. Беда мне с ней. Сначала заинтересовалась лечением, даже читала кое-что о психоанализе, потом, когда появились первые значительные знаки бессознательного, испугалась и стала говорить о чем-то другом без связи с сюжетом. Наконец сказала, что не сможет прийти на прием, и позвонит позже для уточнения даты. Жду ее и до сих пор.

Могу сказать одно: для людей, которых я принимаю, главной причиной страданий является любовь!

Почему именно любовь? Олег говорит, что нет никакой любви, что это все выдумки и нытье.

Мнение Олега о любви я не разделяю. Мне кажется, он говорит это из упрямства или по другим, ему лишь ведомым причинам.

Да, Юлия, для людей, которых я принимаю, главной причиной страдания является любовь – чаще всего в смысле нужды в признании, желания быть единственным. Для некоторых явно, для некоторых неявно. «Моя» блондинка постоянно изменяет своему парню с другими, но спешит добавить, что это не для секса, это – поиск любви. Другой пациент (про себя я называю его Донжуан) долго описывает свои ощущения от занятий любовью со своими многочисленными любовницами. Банкирша не может терпеть, что муж счастлив с другой. Эти желания в бессознательном очень часто относятся к родительской любви в детстве. Например, Банкирша потому и подозревает мужа, что в детстве она страдала от измены отца. Она так и говорит, что не *подозревает* измену, а *знает* о ней. Она «знает», но не может сама себе привести ни одного доказательства, а лишь толкует движения мужа как возможные признаки его неверности. Впрочем, иногда Банкирша говорит, что нужно привыкнуть: он любит меня, но ему требуется разнообразие, молодость. Остается с этим постепенно примиряться. Порой даже шутит над своим положением – значит, она прошла довольно долгий путь.

Разнообразие и молодость. Наверное, все мужчины в старшем возрасте мечтают об этом? Потому что хотят вернуться в свою молодость.

Когда мне было тринадцать-четырнадцать лет, я мечтал о том, чтобы переписываться со сверстниками из-за рубежа. К тому времени я уже побывал в Англии, Германии, и стремился дальше. И на этом пути испытал разочарование. Я вел переписку с некой Эвой из Венгрии, но вскоре не хватило тем и лингвистических средств.

По английскому языку у меня были хорошие оценки, но в Англии я осознал, что обучение письменному английскому совсем не подготовило нас к настоящему общению с носителями языка.

Мои отношения с немцами тоже были неудачны. Помню робкую немку на берегу Баденского озера: я стеснялся заводить с ней разговор, недостаточно владел языком и был крайне неуверен в себе. Я видел, что и она хотела общаться, и тоже не могла. В ее глазах я читал те же чувства. Вижу эту девушку, словно это было вчера.

Теперь я говорю с вами – какая легкость и простота... То, что я хотел испытать, будучи подростком, чувствую сейчас.

Глава 4

У нас случилось несчастье – Олег попал в больницу. Вчера пришел с работы, температура сорок, и ничем не могли сбить. Всю ночь провел в бреду, утром уже сорок один, я вызвала скорую. Они приехали, забрали его. А скорая (машина) – такая холодная и стылая, и дует изо всех щелей. Когда мы ехали, он еле держался, чтобы не свалиться с лавочки, я его придерживала, он то и дело приоткрывал глаза и бредил так, с открытыми глазами – страшно! Я боялась, что от этих сквозняков ему станет совсем плохо, и он упадет. Там даже уложить его было некуда. На мой вызов приехала фельдшер, а не врач, и машина была необорудована. Она сказала, что помочь ничем не может, а только забрать в стационар. Ну и за то спасибо.

Сейчас его перевели в районную больницу, никто не поймет, что с ним. Лежит в хирургии, ему обследуют все внутренние органы, только они в норме, но температура держится очень высокая, он часто теряет сознание.

Жан, вы молчите...

Получили ли Вы моё письмо, отправленное неделю назад, 4-го марта? Всё ли у Вас в порядке?

Да, я получил Ваше письмо. К сожалению, не было времени ответить, сейчас множество дел. У меня все в порядке. Я вчера был в Париже весь день по работе. Желаю Вам прекрасного дня.

Очень рада, что у Вас всё хорошо.

А у Вас как дела?

Олег все еще лежит в больнице, а я езжу за ним ухаживать. Его состояние стабильно плохое. Он и так никогда слова доброго не скажет, а теперь вообще такой нервный стал, злой. Всем недоволен, что я ни сделаю, всё плохо. И неловкая я, и готовлю ему не то, и бестолковая, чего только я о себе не наслушалась. К вечеру я уже совершенно без сил, а он говорит: «Ты так ужасно одета! Своими джинсами ты меня эстетически убиваешь. Надень другие брюки, другую кофту...» Он считает, что джинсы и футболка не подходят женщине *моего возраста*.

Читая Вас, меня удивило, как русские (в том числе украинцы) неуважительно, почти грубо относятся к женщинам, к супругам. Знаю, французы в этой области совсем не ангелы, но я лично пытаюсь исправить ситуацию как могу. Жена возвращается поздно вечером, она устала. На своей квартире в Лиможе она грызет помидор с салатом и семгой; зимой разогревает себе суп. Когда я приезжаю с дачи в четверг, я устраиваю для нее кое-что получше: пеку рыбу с морковкой, луком или укропом. Приготовление максимум пятнадцать минут. Я не гастроном и не повар, но кажется, получается у меня неплохо. Раньше ей не нравилось, что я готовлю – я недостаточно тщательно очищаю за собой плиту и мойку – а теперь она привыкла и рада сесть за стол, когда приезжает домой.

Я немного позавидовала Вашей жене. Вы заботливый. А мне муж никогда ничего не готовит. Но не потому, что он не любит этим заниматься или у него плохо получается, а потому что готовить для женщины он считает ниже своего достоинства. Только один раз сделал мне чаю, когда я болела.

Я бы назвал это отсталым поведением прошлого столетия. Но если присмотреться, такое часто бывает и у наших французских мужчин. Наверное, я слишком односторонне оцениваю.

Да, Вы правы. Отсталое поведение – очень верно сказано. При таком поведении живется тяжело. У меня дома растет комнатная роза. Она – это я, только в мире цветов. Она редко цветет и лишь в те моменты, когда я испытываю прилив счастья. А когда я страдаю, и она страдает – начинает желтеть и сбрасывать листья. Сейчас роза стоит уже полностью желтая, и листья вот-вот полетят.

Я думаю, что мы, мужчины, отстали в области уважения к женщинам из-за ошибок воспитания. В детстве мы, мальчики, только и делали, что играли, а девочкам приходилось заниматься хозяйством. Так было принято. Взрослым и нам казалось естественным, что девочки берут на себя домашний труд. Мы с братом не были избалованными детьми, но я хорошо помню, что нам было практически запрещено мыть посуду, пылесосить. Мать, наверное, боялась, как бы мы что-нибудь не разбили. Однажды, я захотел помочь отцу, который починял окно замазкой, мне было пять-шесть лет. Отец остановил меня и сказал: «Нет, когда ты будешь большим... а пока иди, играй с пластилином». Я воспринял это буквально, и даже когда вырос, ничего не пытался делать своими руками.

Зато сейчас вы пытаетесь исправиться, как можете.

О, мои успехи в этом деле не так уж велики!

И тем не менее. Жан, а если не секрет, что Вы делали в Париже?

Я был на встрече психоаналитиков. Мы встречаемся ежемесячно, но я туда езжу далеко не каждый раз – выходит дорого. Я сел в поезд в восемь утра и вернулся в пятницу во втором часу ночи. На конференции собираются коллеги из всех регионов Франции. Программа обычно известна заранее, в этот раз была психосоматика, толкование переноса и обмен опытом. Один из нас излагает затруднительный случай, а остальные участники обсуждают его, так что всегда интересно.

Послушайте, я, кажется, немного поняла, как действует бессознательное. Однажды мы шли с Олегом в Селидово, дорога эта занимает примерно два часа, ну и как всегда, за такое время мы успеваем поссориться. В этот раз мы поссорились в самом начале пути, и весь остальной путь я напевала про себя песенку:

*Ведь я не боюсь никого, ничего,
Я подвиг готов совершить для него...*

Мы идем дальше, помирились, разговариваем, но песня не отстает. Олег говорит: «Не пой». Он не любит, когда я пою, потому что песня въедается ему в голову, и не отпускает потом целый день. Но и я никак не могу освободиться от этой песни, и начинаю петь ее про себя. Пою именно эти две строчки. Потом вспоминаю, что у этой песни есть впереди куплет:

*Куда ты, тропинка, меня привела,
Без милой **принцессы** мне жизнь не мила...*

Принцесса. Это слово вспоминается мне в связи с тем, что однажды, когда мы ссорились, Олег сказал: «Может быть, и есть на свете женщина, ради которой я что-то делал бы (дарил цветы, ухаживал и проч.), но это не ты. Ты для меня *не принцесса*».

Юлечка, любимая моя ученица!

Молодец! Очень правильно Вы рассуждали! Вы очень быстро продвинулись в знании работы бессознательного. Хорошо видели, как за знаком (припев) может прятаться другой (куплет), а свободная ассоциация мыслей почти автоматически ведет Вас к нему. Для этого не нужны какие-нибудь усилия, наоборот. Только расслабляться и ждать!

Я потому и могу понять чужую жестокость, что жестокое видел в себе... Я потому и могу понять чужую низость, что низость видел в себе; Всего перечислить нельзя. Первое условие, чтобы стать психоаналитиком – подвергнуться собственному анализу.

Жан, а если Вы обо мне узнаете что-нибудь такое... низкое или жестокое, или еще похуже – что-нибудь ужасное. Ваше отношение ко мне изменится?

Юлия, Вы боитесь, что я обнаружу в Вас что-нибудь ужасное. Интересно, отчего это? Вы смутно подозреваете за собой какой-нибудь грех? Я как раз спрашивал себя, не стесняет ли Вас, что я читаю в Вас как в открытой книге? (Нет, преувеличиваю, конечно!) Но, правда, у нас с Вами теперь практически нет тайн друг от друга...

Юлечка. Я могу узнать о Вас что угодно – мои чувства к Вам от этого не изменятся.

Поздравьте меня. Слава богу, мы выбрались из этих больниц. В больницу, как в тюрьму, лучше не попадать. Почти через день там кто-то умирает, слышатся душераздирающие крики родственников, кто-то впадает в кому или не выходит из-под наркоза. Это всё так подавляет, что и здоровый человек заболит. Настоящий дом скорби.

Сейчас Олег уже ездит на работу, хоть еще до конца не выздоровел. Ему прописаны процедуры дома в виде мазей и полосканий. Течение его болезни очень зависит от нервов, а самый большой нервный фактор для него – я. Он только вернулся из больницы, а мы уже успели раз пять поссориться.

Представьте, что он мне сказал: «Я вижу, что-то чужое появилось в тебе, раньше этого не было. Это не ты». А я (всего-то!) попыталась поговорить с ним о том, о чем всегда молчала. И оказалось, это для него что-то чужое, о котором он даже знать не хочет. Я хотела высказать ему то, что меня не устраивает в наших отношениях, а он оборвал меня словами: «Ведь всё хорошо, чего ты ноешь?» – «Всё плохо». – «Если для тебя всё плохо, это первый признак того, что тебе нужен другой мужчина». Вот и весь наш диалог! Мой внутренний мир он считает нытьем и капризами. Мне кажется, он вообще не слышит меня. Слушает лишь звук моего голоса, даже не пытаясь понять смысл.

Я думала, только роза реагирует на мое состояние, но оказывается, роза – это еще полбеды. Когда я всего лишь чуть-чуть обижусь на Олега, у него мгновенно наступает ухудшение. Я могу обидеться тайно и ничего при этом не говорить, но захожу к нему в спальню – а ему уже плохо! А если скажу резкое слово – поднимается температура.

Обиды мои мелкие: я обижаюсь за то, что он нагрубил мне, упрекнул, повысил на меня голос. Я хотела бы не обижаться, но пока не могу. Получается замкнутый круг: он мне грубит – я обижаюсь – он заболевает и становится еще более раздражительным – еще больше грубит – я обижаюсь и т. д.

Я уйду от него в другую комнату, чтобы совсем не думать о нем, но и там оставаться спокойной не могу. В голову лезут разные мысли, вспоминается все самое обидное, злое. Один раз мы возвращались из гостей поздно вечером и шли по темной улице. Дороги у нас освещены только в центре, а на этой была крошечная тьма. Еще асфальт какой-то... даже не знаю, был ли он там. Мы переступали через буераки, камни, бревна и еще не знаю что. У нас на улицах, бывает, ведутся строительные работы, которые не заканчиваются годами, и это была одна из них. Я шла на каблуках и взяла его под руку, чтобы не упасть. Так вот он сказал: «Не цепляйся за меня!» – и стряхнул мою руку со своей. Олег говорит, что я злопамятная – это означает, что у меня хорошая память на всё плохое. Но что делать, если я помню это?

Когда мы идем по городу, он может взять у меня легкую сумочку и понести, но никогда не ходит на базар за продуктами. А сумки, которые я ношу оттуда, уж куда потяжелее будут! Мне нельзя носить тяжелое, у меня смещен один позвонок, и от этого бывают боли, но он все равно не пойдет, не царское это дело.

Я теперь всё больше бездумно сижу в интернете, перелистываю страницы, читаю все подряд, ничего не понимая, слушаю музыку на Ютубе, лишь бы занять себя чем-то. Олег раздражается, что я слушаю пошлую ресторанную музыку, типа розы-слёзы, кровь-любовь. Но она действительно немного отупляет и таким образом успокаивает мне нервы. Пусть бы и он позволил себе немного отупеть на время, глядишь бы, и поправился. Олег воспринимает мир слишком обостренно. Например, он говорит, что разочаровался в человечестве, и от этого страдает. Он грустит оттого, что не сможет увидеть будущее человечества через тысячу лет. Он хотел бы дожить до конца света, чтобы увидеть океанскую волну высотой двадцать километров, которая будет надвигаться на нас, ведь это такое величественное зрелище!

Довольно странные фантазии и желания. Впрочем, можно понять, если человек нездоров.

Жан, Вы не будете смеяться? Я записала и высылаю Вам песню в собственном исполнении.

Юлия, спасибо большое за песню! У Вас прекрасный голос, свежий, прозрачный в высоком регистре, и чуть таинственный в низком.

Из-за низкого качества записи трудно было разобрать слова. Но я поступил, как Ваш муж – слушал только звук Вашего голоса, не пытаюсь понять смысл. И получилось чудесно... я, право, был очарован. В голову мне пришло такое изображение: идет лесная фея по руслу маленького ручейка. Кажется, она чем-то озабочена и едва слышно повторяет сама для себя мелодичные фразы, легко перепрыгивает с камня на камень. Она воздушна, невесома, ступает, почти не касаясь земли. Грациозна, сказочна, невероятна... Простите меня, я такой фантазер. Последнее время часто вижу умственные картинки, особенно, когда вы рассказываете истории Вашей жизни.

Если Вы и фантазер, то в Вашей фантазии есть доля правды. Я не то чтобы невесома, но вешу 47 кг (при росте 157). А хотите, я расскажу Вам историю про один голос?

Лет пять назад я работала на одной фирме секретаршей. Звонило много людей, за день человек сто выслушаешь, и до такой степени все они перед тобой становятся одинаковыми, что и ты начинаешь отвечать как автомат. И вот звонит один мужчина, спрашивает моего шефа. Шефа не было, и я с ним немного поговорила. Голос у него был потрясающий: нежный, глубокий, сильный и вместе с тем очень интеллигентный. Я первая завязала разговор, он, как мне

показалось, тоже был непрочь со мной пообщаться. Говорили мы о всяких пустяках. Я сказала, что передам шефу о звонке, и попросила его оставить телефон.

Он позвонил на следующий день. Шеф был на месте. Но вместо того, чтобы попросить соединить с ним, этот мужчина проговорил со мной примерно двадцать минут, после чего отключился. Потом сразу же перезвонил, извинился и попросил соединить с шефом.

После этого начались звонки каждый день. Постепенно я вникала в суть дела. Голос принадлежал генеральному директору одной очень солидной компании. Эта компания заключала с нами договор на аренду офиса, и скоро ее руководитель должен был прибыть к нам для подписания документов.

Но мы продолжали общаться помимо деловых интересов наших двух фирм, сами по себе. Спроси меня сейчас, о чем? я не отвечу – не помню!

Его звали Алексей Алексеевич, но он разрешил называть себя просто по имени. Он предположил, что, судя по моему голосу, я длинноногая блондинка с очень красивым лицом. Я ответила, что я всего лишь брюнетка невысокого роста, а насчет лица возражать не стала. Он сказал, что ему не важно, брюнетка я или блондинка, и какой у меня рост.

И вот настал день встречи. Я с утра была так занята, что пропустила его появление. Потом мой шеф позвонил из конференц-зала и попросил занести воды. Я зашла – о боже! Бутылка с водой чуть не скатилась у меня с подноса, а стаканы едва не посыпались на пол. Передо мной сидел Адриано Челентано, только ещё хуже. Не удивляйся такому сравнению – согласись, в лице этого певца есть что-то обезьянье. Как будто родители его не произошли от обезьян, а этими самыми обезьянами и были.

Он метал на меня огненные взгляды. Не знаю, смогла ли я изобразить на своем лице хотя бы элементарную любезность.

И вот пошли рабочие дни. Их компания обосновалась у нас в офисе, а наша – собиралась со дня на день съезжать. Но, знаешь, как это бывает, «царь три года собирался, а доселе не собрался», или как там у Пушкина. Офис был обширный, и обе наши компании прекрасно помещались в нем.

Мы стали видеться каждый день. Каждый день он приходил к моему шефу, они подружились. Причем в моей приемной он просиживал примерно такое же время, как и в его кабинете. Если случалось так, что шеф уезжал в командировку, он приходил просто ко мне, без всякого повода, усаживался на стул напротив и... мы молчали.

О чем молчал он, я не знаю, я же молчала потому, что говорить мне с ним было не о чем. Его голос уже не казался мне привлекательным, и я была рада, когда меня отвлекали дела. Ходил он некрасиво (ведь он произошел от обезьяны), жесты его были нелепы, смотрелся он смешно и был скушен, скушен, скушен! Но, кажется, он этого не понимал.

Я избегала на него смотреть, но он садился напротив, и так как я не могла все время крутить головой по сторонам, волей-неволей приходилось беседовать. Разговоры наши были столь тривиальны и пусты, что стыдно вспоминать. Более ничтожны бывают только разговоры о погоде. Я попыталась дать ему понять, что мне с ним неинтересно, но он оказался человеком не тонким.

Я не могла сказать ему как рядовому менеджеру: «Выйди отсюда, ты мешаешь мне работать», все-таки он был генеральным директором и другом моего шефа. Я забыла упомянуть: несмотря на солидную должность, он был моим ровесником.

Он начал преподносить мне небольшие подарки: огромные шоколадки, цветы, какие-то эксклюзивные канцелярские штучки. Я принимала их, все было в рамках приличия т.к. секретаршам принято что-то дарить, угощать и задабривать. Но о нас уже поползли слухи, которые доходили до меня через уборщиц и водителей, и мне это было ни к чему.

Однажды он пришел с торжественным лицом. Был какой-то праздник, может быть, 8-е Марта – не помню. Он не подошел и не сел на стул, как обычно, а стал на небольшом расстоянии и немного сбоку. Я посмотрела на его лицо – на нем было написано СОБЫТИЕ.

Он завел какую-то невнятную речь о том, что, дескать, вот он тут ходи-ходит, мы видимся каждый день, и что-то там еще... а в конце спрашивает: «Наверное, тебе не безразлично, что я прихожу»?

В его руке я заметила коробочку – маленькую, перевязанную шелковой ленточкой. Я ответила, что мне безразличны его визиты, нет времени для разговоров, и вообще, я здесь работаю, а не прохлаждаюсь. Вид у него был такой, будто его отхлестали по щекам. Он спрятал в карман свой подарок, косолапо развернулся и побрёл к себе.

Три дня Челентано не появлялся, и я думала, что уже всё. Но на четвертый день – пришел, сел на свой любимый стул, и началось все с начала.

Так мы общались еще некоторое время. Вымучивали слова, выдавливали улыбки. Я думала: зачем он меня мурыжит? И сколько это будет продолжаться? Вы не поверите, я избавилась от него, только когда уволилась с этой работы, примерно через полтора месяца. Конечно, я уволилась не из-за него, но среди причин, по которым я решила уйти, он стоял примерно третий в списке.

Насчет Адриано Челентано. Подобного мужчины, мне кажется, Вы чего-то не договариваете. Ведь человек без причины не дарит подарков. Без причины не заходит к Вам в приемную неделями. Я уверен, в Ваших речах он находил повод для того, чтобы заходить. А то надоело бы ему, и он искал бы себе другую.

Искать другую? А как это возможно, если нравится эта, а ни какая ни другая?

Да, но мужчина не приглашает себя к девушке без того, чтобы его хоть немножко не поощряли. Допустим, сознательно Вы не хотели его поощрять, но оказалось, *бессознательно* поощряли. Я по опыту говорю.

Наверное, мою открытость, доброжелательность и любовь к общению можно толковать как поощрение. Но ведь это же ошибка. К тому же, улыбаться и поддерживать беседу со значимыми людьми было частью моей работы. Удивительно, с какой охотой мужчины притягивают за уши свои толкования, вместо того, чтобы логически осмысливать происходящее.

В связи с этим мне вспоминается один громкий процесс, который однажды у нас произошел, и который СМИ раздули до размеров национальной трагедии. Одна девушка, познакомившись в ресторане с тремя парнями, поужинала с ними. Потом они уединились в отдельную комнату, били ее, насиловали с элементами садизма, а под конец облили бензином, подожгли и выбросили на обочину. Так вот на суде эти парни заявили, что они ничего против ее воли не делали. Все, что они с ней сотворили, она «сама захотела».

Я и думаю: как далеко может зайти понимание мужчинами того, чего хочет женщина?

Нет, я не претендую знать, чего хотят женщины. Я часто ошибался в них и, наверное, буду еще ошибаться. Но это и к лучшему. Скучно было бы понимать мир женщин до самого его основания.

Вот еще один, которого я «поощряла», послушайте.

Заходит как-то мужчина в библиотеку и вместо приветствия говорит такую фразу: «Они обрадовались». Я спрашиваю: «Кто?» – «Наши поля. Они обрадовались друг другу». В общем, он был такой... мистически настроенный, по знаку зодиака Рыбы.

Он стал приходить и сидеть около меня. Ну как же, ведь мое «поле» обрадовалось ему, и мужчина совершенно четко это понял. Спрашивать у меня подтверждения было излишним!

На входе стояли стульчики для старичков, чтобы они могли сесть отдохнуть, почитать газеты, а последний стул был плотно придвинут к моему столу, его-то он и облюбовал. Иногда делал вид, что читает газету; брал в руки книгу, вертел ее, клал на место и смотрел в пространство – без единого слова, без единого взгляда в мою сторону. А стояла зима, и было холодно. От холода у него краснел и разбухал кончик носа и, просидев так немного, он начинал подшмыгивать. Молчит и подшмыгивает, и так часами.

Однажды мне это надоело, я ему и говорю: «Что вы сидите»? Он отвечает: «Я испытываю к тебе такую страсть, что не владею собой. Взгляну на твои руки и весь дрожу». Я, мягко говоря, не ожидала такой откровенности. Но даже не это поразило меня, а то, какой у него был при этом вид. Представьте себе отстраненные водянистые глаза и лицо замороженной рыбы. И эта рыба с вами разговаривает. Открывает рот, шевелит губами – маленькими белыми рыбьими губами, – смотрит как будто на вас, а как будто и не на вас, и страдает. Она говорит, что ей мучительно больно, что я жестокая, потому что не замечаю ее боли, и если так дальше будет продолжаться, то у рыбы разорвется сердце.

После этого первого разговора он перестал молчать, и начал мне понемногу о себе рассказывать. У него были сплошные неудачи с женщинами, он пробовал с одной сожительствовать, но ничего не вышло – женщина оказалась корыстной и злой мегерой. Родители не понимали его, денег не было, работа осточертела.

Потом вдруг признался, что ему нравится молодой парень, сотрудник по работе. Рыба постоянно хочет быть рядом, говорить с ним, чувствовать его. Когда удастся заглянуть этому парню в глаза, у него будто солнце в сердце поселяется, ему и работать хочется, и жизнь кажется не такой бессмысленной. А когда видит меня – на сердце тоска и мрак, но сладкий мрак, затягивающий, и он разрывается между нами.

Иногда Рыба просто молчал, а в конце дня говорил: «Как ты меня измучила», – после чего поднимался и уходил.

Он был невыносим в своей унылости, но под конец все-таки подхохмил. Ходил он так примерно год, а потом говорит: «Я знаю, что ты не будешь со мной (ему понадобился год, чтобы понять это), тебе нужен совсем другой мужчина, не я. Но, может, ты согласишься за...» – и называет сумму.

После этого он исчез. Но это был еще не конец наших отношений. А конец их был столь непригляден, что даже неловко рассказывать.

О нет, мои пациенты и наполовину не так расстроены, как этот несчастный Рыба.

Он тогда исчез, и надолго. За это время я успела познакомиться с Олегом. Однажды мы пошли за город, на природу. У нас не было цели, мы просто гуляли. Дошли до самой балки, а в балке у нас есть одна отличная полянка, очень красивая. Представьте небольшой холмик, закрытый со всех сторон деревьями. И вот мы взбираемся на него, и видим там... Рыбу. Он сидит на корточках и поджаривает на огне курочку. Вид у него был жальче жалкого – даже поздней весной, в мае он выглядел замороженным и несчастным.

Чтобы не нарушать его лирического одиночества, мы хотели сразу же развернуться и уйти, но Рыба уже заметил нас. Он сказал: «Пожалуйста, оставайтесь! Вы мне совсем не мешаете. Напротив, когда я шел сюда, я сожалел, что у меня нет компании, с которой я мог бы разделить эту курочку». Мы остались. Я не стала делать перед Олегом вид, что не знаю Рыбу, и представила их друг другу.

У нас не было с собой ничего, а у него было вино, хлеб и курица. Мы уже проголодались и с удовольствием поели его курочки и выпили вина.

Рыба начал рассказывать о своих проектах. А, нужно сказать, он был всегда в проектах, которые никогда не осуществлялись. То он доверялся не тем людям, то его обманывали, то вдруг он разуверивался в одной идее и тут же перескакивал на другую. У него была мания – заработать много денег, и множество вариаций, как именно это сделать. Когда бы он заработал много денег, ему казалось, он станет другим человеком, и у него начнется другая, полная счастливых приключений, жизнь.

После того, как Рыба изложил свою очередную идею по зарабатыванию миллионов, Олег не жестко, но мало-помалу начал разбивать его планы, объясняя, почему они не осуществляются. Рыбе это не понравилось. Он заскучал, скукисился и, наверное, подумал, что зря угощал нас курочкой. Он ушел первый, попрощавшись с Олегом за руку. Олег потом долго плевался – он заметил, что вся рука у Рыбы была в бородавках.

Через несколько дней Рыба пришел ко мне в библиотеку и сказал, что не понимает, как работает одна компьютерная программа, которая поможет ему заработать миллионы, и поэтому ему нужна помощь Олега. Я спросила: «Разве он не разубедил тебя в этой идее?» – «Олег бесспорно умен, но нужно держаться своего. Я должен верить в себя, а не позволять сбивать себя с толку первому встречному». Я сказала: «Хорошо».

В следующий раз они встретились уже без меня. Олег помог Рыбе разобраться с программой, а потом опять плевался, что ему пришлось здороваться с ним за руку. Но соль была в другом.

У Олега есть хобби, оно немного необычное. Он ведет досье на людей – на всех людей, с которыми его сталкивает жизнь, даже на едва знакомых. Для этого он создал небольшую базу данных, куда и заносит все сведения, которые ему удастся узнать о человеке, вплоть до таких бессмысленных, как кто его бабушка, дедушка и любимая кошка. Он любит иногда сидеть и перелистывать базу, перебирая своих «знакомых», словно скупец драгоценные камешки.

Когда Рыба пришел к нему, Олег поступил с ним не совсем деликатно. Первым делом он поставил его к стене и сфотографировал. Потом опросил: адрес, место работы, телефон, семейное положение, род занятий, и еще некоторые сведения, которые при нем же и занес в компьютер. Нет, обычно он не делает так – не фотографирует людей, как в милиции, и не допрашивает их – а потихоньку заносит в свою базу всё, что ему удастся разузнать. Но здесь почему-то решил не церемониться. Рыба испытал легкий шок от такого приема, но ответил на все вопросы и дал себя сфотографировать.

На следующее утро я вышла на работу. Я выходила примерно в половине десятого утра (библиотека открывалась в десять) и шла, не торопясь. От моего дома до библиотеки вела прямая дорога, она хорошо просматривалась. Метров за пятьдесят я заметила фигуру, которая странно раскачивалась на ветру и потерянно озиралась. Это был Рыба. Я уже было подумала, что он опять пришел сидеть и молчать. Но, когда я подошла, Рыба сказал:

– Зачем Олег записал мои данные?

Я ответила:

– Не знаю... наверное, ему для чего-нибудь нужно.

– Для чего?

Я хотела заверить его, что он не собирается их куда-то передавать, но Рыба оборвал меня и заявил, что мы оба мошенники. Он начал кричать, а кричал он шепотом. Крикнет неслышное слово и вращает глазами. А потом еще руками загребает, как будто хватается за воздух. Выходило тихо, но так жутко, что люди на нас оборачивались. По его словам получалось, что я «наводчица», заманила его к Олегу, тот оказал на него давление и заставил выложить о себе всю информацию. Я спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.